

МАРИЯ РОМАНОВА
Вильнюсский университет

О таинственных (тарабарских) заговорах старообрядцев Литвы

В 1965 г. в д. Стравай Рокишкского района Литвы от информатора старообрядки А. Карповой (72-х лет) был записан необычный заговор “от шала”, т.е. от бешенства (хранится в архиве записей студентов на кафедре русской филологии Вильнюсского университета, общение проф. Ю.А. Новикова). Он состоит из трех предложений, два из которых содержат по три бессмысленных слова:

Теляран слоран желактивот. Стоппонет килераш илераш. Аминь.

Единственное понятное в нем слово(-предложение) *Аминь* в заговорах обычно играет роль “закрепки”, т.е. произнесение его призвано “закрепить” действие заговора. До 2001 г. это был единственный пример “тарабарского” заговора, записанного на территории Литвы, и остается неизвестным, был ли он списан или же наговорен.

Во время экспедиций 1996–2000 гг. члены группы по изучению говоров и фольклора старообрядцев Литвы записали больше ста заговоров от самых разных болезней, но среди них не было ни одного “тарабарского”. Только летом и осенью 2001 г. удалось найти четыре таких заговора. Два из них были обнаружены Н.А. Морозовой при кодикологическом описании книг в д. Мейкшты (лит. *Meikštai* Игналинского района). На последней странице рукописного богослужебного сборника, созданного в 1852 г., была сделана следующая более поздняя приписка карандашом:

Заговоръ Ѡ шала
сатор еепот еннет еннет оопро ротасъ
Ѡто 2 заговоръ
Ѡкалакти юннетъ статнѣ нилъ рамъ.

Все слова записаны столбиком из-за малого (8^а) формата книги.

Еще два заговора были найдены в рукописной *Певческой азбуке* (1892 г.) в д. Гай (лит. Gõjus Шальчинкайского р-на), записанные чернилами той же рукой (?), что и основной текст:

Заговѡр от шалѡ.,

ѡлнмѡ ѡлнрѡмѡ ѡлнрѡмѡ стѡкѡдомѡ стѡкѡдомѡша;

2-й.. шѡлаю лѡраю жалактѡнѡ сапере рѡперѡ ѡрѡта рѡтѡсъ....

Все четыре заговора были записаны церковнославянскими буквами.

Очевидно, во всех случаях заговоры были зафиксированы “для памяти”: бессмысленный текст очень трудно запомнить и воспроизвести без искажений, а те, кто практикует заговоры, считают, что неправильно произнесенный текст заговора теряет свою силу.

Владельцы книг не знают, кем и когда эти заговоры были записаны.

Если заговор фиксировался, то предполагалось, что им будут пользоваться. В то же время обращает на себя внимание то, что книги с заговорами хранятся в глубоко религиозных семьях. Аполлинария Иванова (1923 г. рожд.) из д. Мейкшты родом из семьи Прусаковых, а в этой семье было много старообрядческих наставников; ни она, ни ее муж заговаривания не практиковали. Муж Ирины Ивановны Федотовой Яким Федотов из д. Гай сначала был головщиком, а замещал наставника в местной моленной. Сама Ирина Ивановна (1924 г. рожд., окончила 7 (!) классов польской школы) утверждала, что она вообще ничего не знает о заговорах, а это значит, что в семьях ее отца и мужа также не было такой традиции. Не исключено, что последние владельцы книг просто не обращали внимания на тексты заговоров, либо уважение к старым книгам не позволяло им уничтожить записи, явно противоречащие их религиозным установкам.

Непонятым остается также, случайно или нет все заговоры оказались записанными именно в богослужебные книги. Просто потому, что больше писать было не на чем? Или чтобы потом было легко найти? И почему именно заговоры “от шала”, по два в каждой книге, и почему все четыре заговора представляют собой набор бессмысленных слов, т.е. абракадабру? Простое совпадение? Или потому, что бешенство (“беснование”) рассматривалось как следствие вселения в человека или животное бесов, изгнать которых следовало только с помощью церковных книг? Ведь существует также и православная традиция “отчитывания бесноватых”, когда священник читает над больным специальные молитвы. Может, считывание заговора с книги не считалось противоречащим *старой вере* тех, кто их записывал?

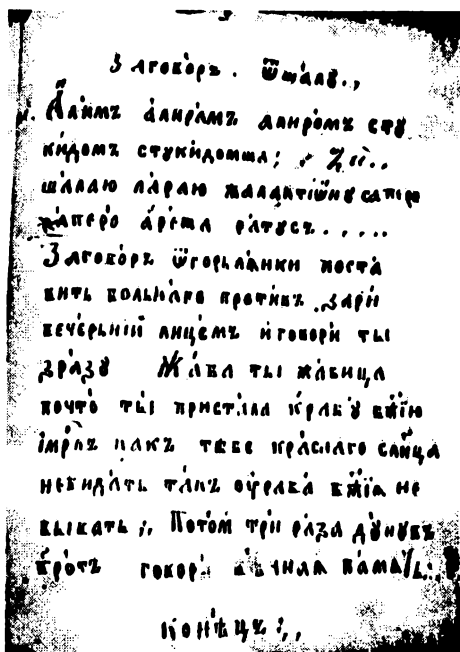
Представляется важным отметить, что старообрядцы Литвы часто приписывают сверхъестественную силу не самому колдуну, а его “черной книге”. Обычный человек также мог воспользоваться такой

книгой (известен рассказ о том, как грамотный человек пришел к колдуну, случайно прочитал отрывок из лежащей на столе открытой книги и вызвал чертей), а обладание ею автоматически делало человека колдуном (по этой причине, рассказывали нам, когда в одной семье умер колдун, то оставшуюся после него книгу сожгли, чтобы никто не перенял колдовских знаний). Если учесть, что в старообрядческой среде было много грамотных людей, книги бережно хранили, а также сохранялась традиционная вера в то, что в книге может заключаться сверхъестественная сила, то не исключено, что заговоры от “шала”, вписанные в богослужебную книгу, рассматривались как более действенные.

Неясным остается другое: почему все заговоры от “шала” представляют собой именно абракадабру? Может быть, такая форма заговора считалась более сильной, чем понятный текст (по принципу — чем непонятнее, тем звучит более устрашающе)?

Ничего нельзя сказать также, на основе какого “исходного материала” рассматриваемые заговоры сделаны. Согласно К.А. Богданову, специально занимавшемуся “магически значимыми речениями”, записанными в русских материковых говорах, “теоретически любую абракадабру можно объяснить осколком какого-либо словесно развернутого заговора (или молитвы)” [1995, 186]. Полагаем, что, судя по фонетическому наполнению фразы *Сатор еепот еишет еишет оопро ротась* (отметим, что последнее слово здесь является зеркальным отражением первого: *сатор-ротас*), а также по внутренним рифмам в остальных текстах, это может быть также подражание глоссопалии (“говорению на языках”).

В указанной выше статье К.А. Богданов отмечает, что “из всех видов заговоров абракадабра... исследована в наименьшей степени”

Страница “Певческой азбуки”
(1892 г.) с текстами заговоров
Фото В. Чекмонаса

[185] и что “само отнесение абракадабр к заговорам — в рамках традиционных определений последних — представляет определенные трудности” [186]; в то же время подчеркивается, что именно абракадабру можно считать “в известном смысле прообразом заговора вообще, наиболее определенно выражающим “идею” вербальной магии — могущество обрядового слова и соприродного ему действия” [там же].

В настоящее время наиболее важной задачей кажется обратить особое внимание на саму возможность бытования абракадабры при собирании заговоров, бытующих у старообрядцев Литвы, а при их археографическом описании книг, хранящиеся у них, особенно тщательно обследовать их содержание с этой целью.

ЛИТЕРАТУРА

Богданов К.А. 1995: Абракадабра как заговорная модель. Пределы структурирования, *Русский фольклор, XXVIII: Эпические традиции: Материалы и исследования*. Санкт-Петербург, 185–197.

E-mail: marija.romanova@flf.vu.lt

Октябрь 2001 г.